

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2048-2055
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2048

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Other” in Late Imperial Russia: Chinese Migrants in Perm Province in the Early XX century

Andrey A. Avdashkin ^{a, *}

^a Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article examines the formation of perceptions of “others” represented by Chinese migrants in the late imperial period of Russian history. Using Chinese migration to the Perm province from 1905 to 1917 as an example, the author demonstrates how local authorities, factory and mine administrators, and, to some extent, city residents contributed to the conceptualization of the Chinese and defined the key characteristics of their social behavior. A significant portion of these interactions took place not in urban spaces, but directly at the factories and residences of Chinese workers. In the process of organizing, maintaining order, and preserving a stable health situation among the Chinese, documents from Ural archives and the press were filled with evidence of experiences with them. The empirical basis for the preparation of this manuscript was formed by documents from the State Archives of Perm Krai (Perm, Russian Federation) and the State Archives of Sverdlovsk Oblast (Ekaterinburg, Russian Federation). Used together, these sources can reveal the key characteristics with which Chinese workers were ascribed during their stay in the Urals. While Chinese labor certainly solved a number of production problems thanks to its abundance, affordability, and ease of use, experience interacting with Chinese workers further complicated these concerns with complex issues related to labor registration, maintaining sanitary and hygienic standards, and the closed nature of their communities.

Keywords: migration, Perm Governorate, Chinese, yellow workers, Russian Empire.

1. Введение

В конце XIX – начале XX в. Российская империя стала важным полем для управления массовой миграцией, носившей как внутренний, так и международный характер. Немаловажно и то, что мобильность существенным образом меняла этнодемографический состав населения, появлялись новые практики взаимодействия с «другим» на повседневном уровне, общественные пространства этнизировались. Эти процессы во многом закладывали условия, в которых происходила реализация национальной политики на протяжении XX в.

Наглядным примером конструирования новой полиэтнической социальной среды в регионах поздней имперской России является Урал, где, с одной стороны, фиксировался опыт взаимодействия с представителями групп, участвовавших во внутригосударственных перемещениях (немцы, цыгане, евреи), а с другой – проходили волны международной миграции (корейцы и китайцы). Это и выдворение с театра военных действий Русско-японской войны, и масштабная трудовая миграция из Китая в годы Первой мировой. В подготовленном обзоре рассматривается этнизация публичного пространства на примере Пермской губернии, где в начале XX в. сосредоточился достаточно заметный контингент китайцев. Несмотря на то, что община, на которой автор фокусирует своё внимание, являлась не всегда заметной на протяжении XX в., а на смену ей пришли новые группы

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

мигрантского населения, некоторые следы присутствия изучаемых сообществ сохраняются и по сей день, воспроизводится региональный нарратив исторической памяти об их присутствии.

Автор в представленной статье фокусирует внимание на локальном опыте отношений с «другим» в лице китайцев. Это позволяет рассмотреть контексты повседневного взаимодействия с ними, выделить основные черты, которыми маркировался социальный облик китайцев. Хронологические рамки исследования охватывают 1904–1917 гг. Нижняя граница обусловлена первым и относительно массовым появлением китайцев на территории Пермской губернии, выдворенных с театра военных действий Русско-японской войны. Верхняя обусловлена началом революционных процессов, положивших фактически конец организованной трудовой миграции китайцев на уральские предприятия.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составили архивные документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) (Пермь, Российская Федерация). Материалы Канцелярии пермского губернатора (ГАПК. Ф. 65) содержат большое количество информации о положении китайцев в Пермской губернии. Эти материалы отражают особенности повседневной жизни китайских рабочих и позволяют проследить, как решались проблемы их пребывания на Урале. Документы фонда Уполномоченного по Уральскому району председателя особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства из Государственного архива Свердловской области (ГАСО) (Екатеринбург, Российская Федерация) позволяют пристальнее взглянуть на различные аспекты повседневной жизни рабочих, бытовые и санитарные условия, состояние здоровья и т.д. Привлечение номеров «Пермских губернских ведомостей» позволяет проследить оценки китайской миграции городским сообществом, реакции обывателя на пребывание «других» в лице китайцев.

Документы данных фондов уже частично вводились в научный оборот, но их применение в основном носило фактологический характер или они задействовались для формирования исторического нарратива о присутствии китайцев. В представленной рукописи основное внимание уделяется не технологиям организации труда или практикам транспортировки, а скорее тому опыту межгрупповых контактов, который остался у принимающей стороны после волны китайской миграции в поздней имперский период.

Методологической основой представленного обзора послужили подходы в русле исторической имагологии, позволяющие трактовать маркировку социального пространства в терминах этничности, формирования и наполнения маркеров «свой» и «чужой». Возникновение ситуации относительно массовых и повседневных контактов между местными администрациями, населением и китайцами оставило за собой определённый след представлений, интерпретаций поведения прибывших на Урал китайцев.

В начале XX в. структура образа китайского мигранта приобрела более или менее оформленный вид. Это предполагало такие характеристики, как обезличенность, неприхотливость, антисанитария в быту, тотальная экономия на всём. Изворотливое или заискивающее поведение сочеталось с высокой конкурентоспособностью и высокой скоростью в освоении новых сфер деятельности (*Восток России...*, 2011: 464). Мы попытаемся изучить документы вышеупомянутых архивов на предмет (не)соответствия этой конструкции.

Миграции являлись и, надо отметить, остаются по сей день неперенным условием существования и развития переселенческих сообществ в Азиатской части России. Крайне важен учёт социального контекста этих событий. Поздней имперская модернизация во многом породила социальные и политические контексты, в которых этнические характеристики приобретали всё более существенное значение в повседневной жизни. В результате возрастало значение этих характеристик и в оценке потоков внутренней и внешней миграции. Представления об этническом многообразии становились важной составляющей в процессах формирования и развития переселенческих обществ Востока России, рассматривались современниками как одна из важнейших их характеристик наряду с сословной и конфессиональной принадлежностью (см.: *Дятлов, 2014; Дятлов, 2015: 10*).

3. Обсуждение

В исторической литературе востребован более детальный анализ реакций поздней имперского общества на этнизацию общественной жизни, в условиях модерна, и маркирование в этнических категориях объектов пространства поздней имперского города и др. Понимание той социальной оптики, сквозь которую конструировались образы «других», поможет лучше видеть социальные и политические процессы в Российской империи рубежа XIX–XX вв. (см.: *Восток России...*, 2011; *Переселенческое общество...*, 2013).

Во многом взаимодействие с китайцами начиналось с появления в городах Дальнего Востока локаций, маркированных в качестве «китайских»: это рынки, кварталы и др. (*Нестерова, 2008; Урбански, 2021*). На формирование отношения к китайцам в поздней имперской России оказывал влияние целый ряд факторов: ощущение слабой контролируемости дальневосточных окраин, страх

перед китайцами как сильными конкурентами в области предпринимательства, освоение природных ресурсов этой огромной территории и т. д. (Siegelbaum, 1978; Дятлов, 2000; Yin Hsu Chia, 2006; Ходяков, 2018). Особенности трудовой миграции в годы Первой мировой войны достаточно подробно реконструированы историками (Дацышен, 2008; Каменских, 2011; Ходяков, 2019; Хасанова, 2019; Alexeeva, 2018). Однако отношению к китайцам в позднеимперский период до сих пор посвящено не так много работ, и источники, на которых они основываются, происходят преимущественно с русского Дальнего Востока (Дятлов и др., 2020; Antoshin, 2022).

Управленцы признавали, что присутствие китайцев на территории империи влекло за собой целый ряд нежелательных последствий, но некоторые запросы о разрешении «жёлтого» труда власти находили целесообразными. Для защиты экономики Дальневосточного региона от дешёвого труда китайцев и корейцев готовился комплекс законодательных и управленческих мер (Ходяков, 2019). Первая мировая война вызвала острый дефицит рабочей силы, и правительство признало необходимость привлечения к работам представителей «жёлтой расы». Противники этого решения приводили весомые аргументы – от возможности проникновения германских шпионов и опасного засилья «желтолицых» на рынке труда до «заноса эпидемических заболеваний» (Ходяков, Чжао, 2017: 8).

Таким образом, в исторической литературе поднятая проблема изучена, но по-прежнему сохраняются территориальные и содержательные лакуны. Образ «другого» в позднеимперской России нуждается в дальнейшей рефлексии, расширении как территориальных рамок рассматриваемых сюжетов, так и привлечении новых источников (Образы «Других»..., 2025).

4. Результаты

Хотя присутствие китайцев на Урале носило кратковременный характер, этот эпизод существенно повлиял на этнокультурное пространство региона, поскольку это был первый опыт относительно массовых контактов уральцев с китайскими мигрантами. В результате чего сложился пласт исторической памяти о взаимодействии с новым, невиданным ранее в территориальных рамках Урала «другим». Участниками этих процессов выступали не только китайцы. Деятельное участие проявили местные органы власти, администрации заводов и копей, в какой-то мере свою роль играли рядовые представители принимающего сообщества, усваивавшие опыт отношений с мигрантами. Все эти акторы приняли участие в этнизации пространств и отношений, категоризации и наполнении образа «других» своим содержанием. Осознанное или спонтанное применение сторонами механизмов этнизации социальных пространств и отношений постепенно приводило к формированию этнически маркированных локаций и контактов (китайские бараки, отношения и т.д.). Определённые группы наделялись статусом «других», что делало коммуникацию с ними более понятной, предсказуемой, способствовало выработке языка описания для таких отношений. Такое маркирование помогало выработке инструментов социального контроля и управления.

Первый опыт взаимодействия с китайцами пришёлся на период Русско-японской войны, когда с театра военных действий в Пермскую губернию выдворили несколько сотен японцев, китайцев и корейцев (Каменских, 2009a). Хотя Урал находился на существенном удалении от маршрутов миграции из Азии, прибытие заметного для жителей Перми контингента выдворенных стало предметом оживлённых обсуждений в печати и среди населения. Численность водворенных китайцев со временем менялась, но находилась в пределах 100–150 чел., что для Перми, население которой не превышало 70 тыс. чел., стало заметным для формирования представлений о «других». Кроме того, факт компактного проживания китайцев, японцев и корейцев вызывал пристальный интерес к ним со стороны горожан.

Китайцы, находившиеся в крае в 1904–1905 гг., были замечены в организации цирковых представлений, которые, судя по всему, пользовались немалым успехом. В архивных документах и периодической печати сохранились упоминания минимум трёх цирковых трупп, дававших представления в Перми и близлежащих городах. Упоминались зрелищные «номера со змеями в исполнении китайцев» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 39, 85; Пермские губернские ведомости, 1905). В целом реакция принимающей стороны на «желтолицых» оказалась достаточно доброжелательной. Конфликты между местными жителями и выдворенными носили единичный характер и, скорее всего, возникали на бытовой и межличностной почве. На страницах «Пермских губернских ведомостей» неоднократно отмечалось доброжелательное отношение горожан к китайцам (Пермские губернские ведомости, 1904a).

Стоит отметить, что отношения между представителями групп выдворенного населения складывались непросто. Когда в Пермь прибыла крупная партия таких лиц в составе корейцев и китайцев, их расселили в одном бараке, что в первый же день привело к конфликту, в урегулирование которого пришлось вмешаться полиции (Пермские губернские ведомости, 1904b). В дальнейшем власти селили представителей разных народов отдельно, чтобы избежать нежелательных инцидентов. В скором времени китайцы, за редким исключением, покинули территорию губернии вплоть до 1915 г., когда российские власти и промышленники наладили практику привлечения китайской рабочей силы на уральские заводы и копи.

Так формировался повседневный опыт социальных взаимодействий с китайцами. Этот опыт скорее укладывался в представления об экзотизации выходцев из Поднебесной. Основным механизмом конструирования «других» в лице китайцев становился акцент на выделении и гиперболизации различий, которые определяли их поведение, образ жизни, особенности взаимодействия с ними. В условиях трудовой миграции контакты с китайцами происходили не в пространстве городов, а преимущественно на заводах и копиях, куда их привлекали в надежде компенсировать острый дефицит рабочей силы, возникший на фоне мобилизации в армию и стремительных темпов роста военного производства.

Одной из основных особенностей восприятия китайцев в позднеимперской России становился акцент современников на их массовидности. Иными словами, китайцев рассматривали как «толпу или массу» (Дятлов, 2014). Данный стереотип во многом подкреплялся тем, что у властей и администрации предприятий, куда приехали рабочие, так и не получилось наладить систематический учёт китайских рабочих (Benton 2007: 21; Каменских 2011: 50). Трудности с осуществлением статистического учёта начались у чиновников и заводского начальства сразу же после прибытия первых групп китайских рабочих. В документах отмечалось, что во многих случаях даже не представлялось возможным достоверно установить личности прибывших. Во время транспортировки их состав мог меняться: в вагоны подсаживались больные и инвалиды, кто-то просто сбегал по пути. Многие ехали без надлежащих документов, а если документы и были на руках, то весьма сомнительные. Фотографии в паспортах зачастую являлись чужими или вовсе отсутствовали (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 35). Губернатору даже пришлось распорядиться о проведении полной проверки всех китайских горнорабочих, включая сличение их личности по паспортам (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 595. Л. 31). Общее количество китайцев, прибывших в 1915 – частично в 1917 г. на предприятия Урала, оценивалось лишь приблизительно и находилось в пределах 8–10 тыс. чел. Регулярные проблемы, связанные с учётом, служили современникам ещё одним подтверждением стереотипа о китайцах как о группе практически неконтролируемой и неисчислимой.

Часто в документах предприятий встречалось негодование, что «все китайцы на одно лицо» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 26). Особенно ярко этот аспект восприятия проявлялся при расследовании массовых волнений на предприятиях и копиях, где работали китайцы. Неспособность в буквальном смысле отличить одного китайца от другого чрезвычайно затрудняла идентификацию и вела к утрате важной информации, например о времени и месте ареста. Так, после подавления беспорядков китайских рабочих в Алапаевском горном округе в мае 1916 г. из 238 задержанных в ходе расследования удалось опознать лишь 31 участника (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 26).

Несмотря на глубоко укоренившийся стереотип о жёсткой трудовой дисциплине и способности китайцев осваивать новые сферы деятельности, уральские материалы часто свидетельствуют об обратном. Плохо отлаженная система массового найма мигрантов на уральские заводы порождала множество неурядиц, способствовавших формированию негативного образа «жёлтых людей». Явное отсутствие взаимопонимания между работодателями и рабочими приводило к массовым нарушениям трудовой дисциплины, прогулам, низкой производительности труда и «лени». Рабочие играли в азартные игры, вмешивались в решения руководства и пытались сами назначать себе выходные. Руководство, в свою очередь, часто пренебрегало правами китайских рабочих, что выливалось в серьёзные столкновения, о которых речь шла выше (Каменских 2009b; Alexeeva 2018). Ускоренный характер набора китайцев иногда приводил к тому, что на заводы приезжали те, кто вовсе не имел минимального опыта работы на заводах, копиях и лесозаготовках. Так, Екатеринбургский исправник в 1916 г. сетовал, что прибывшие китайцы не умели рубить дрова, не знали, как обращаться с пилой и др. (ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 35).

Остались в документах свидетельства о повседневной жизни китайских рабочих. В свободное от работы время они занимались главным образом «праздношатанием» по округе. Весьма популярны были и карточные игры, особенно среди рабочих Надеждинского завода. Согласно докладным того времени, подобное времяпрепровождение «вместо отдыха» приводило к тому, что «китайцы выходили на работу усталыми и работали слишком лениво» (ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Лл. 114-115). В ноябре 1916 г. Кизеловская контора князя Абамелек-Лазарева отчиталась о весьма скромных средних показателях китайских рабочих. Производительность труда китайца составляла 40–50 % от результатов вольнонаёмного рабочего: это, по сути, самый низкий показатель среди всех категорий рабочих (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 350б., 42-43).

Пристальное внимание местных властей уделялось санитарному и медицинскому вопросам. Сложность в их решении составляло то, что китайцы неохотно обращались за медицинской помощью и предпочитали заниматься самолечением. Недоверие к западной медицине и представителям российской администрации приводило к серьёзному ухудшению состояния здоровья рабочих. Учитывая такой подход к собственному здоровью, гигиене и лечению, даже лёгкое недомогание нередко приводило к увечью или даже смерти. Скажем, что в 1916 г. комиссия по обследованию быта китайских рабочих обнаружила в одном из барачных помещений слепого рабочего. По его словам, он всего один раз посещал врача, «предпочитая лечиться собственными “домашними” средствами,

несмотря на то, что в результате применения таковых средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза» (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 39). Уровень заболеваемости китайских рабочих выглядел в среднем выше, чем у других категорий рабочих (19 % и 13 % соответственно) (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 100об.).

Объяснялось это рядом факторов. Большинству приходилось долго привыкать к суровому северному климату. Современники часто писали о том, что китайцы грубо нарушают нормы санитарной безопасности, зимой не одеваются по погоде, легкомысленно пренебрегая указанием носить верхнюю одежду в несколько слоёв. Безразличное отношение к технике безопасности на производстве приводило к частым травмам. Самыми распространёнными причинами попадания в медпункт на Кизеловских копях (по данным на 1916 г.) являлись разного рода ушибы и переломы (135 из более чем 500 пациентов, см.: ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 49).

На физическом состоянии рабочих сказывалась и резкая смена рациона. Рабочие страдали не только от отсутствия привычных продуктов, но и, как указывается в документах, из-за «отсутствия пищевой разборчивости» (т.е. употребления в пищу сырых грибов и трав). Последнее вызывало длительные расстройства пищеварения. Из-за несоблюдения правил гигиены, кишечных заболеваний и паразитов десятки рабочих надолго теряли трудоспособность. Кроме того, пренебрежение санитарными нормами и использование сомнительных лечебных приёмов и средств (вроде посыпания открытой раны мукой) серьёзно осложняло процесс лечения даже незначительных порезов. В результате некоторые рабочие умирали от заражения крови (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 40, 100; ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 4).

В период пребывания китайских мигрантов на уральских заводах проявилась и специфика социальной организации китайцев. Они предпочитали жить максимально обособленно от принимающей стороны, в решении внутренних конфликтов полагались на свои нормы социальной регуляции, шедшие вразрез с законами Российской империи. Так, для переговоров с заводским руководством выбирались специальные посредники и переводчики. В архиве хранится рапорт уездного исправника об убийстве представителя рабочих, который «при переговорах поддерживал сторону подрядчика», в результате чего рабочие приняли решение об устранении этого человека (ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 30б.). Подобные случаи, по всей вероятности, происходили чаще, но выявить и тем более расследовать их получалось далеко не всегда.

Существенное беспокойство местных властей вызывали также китайские «братства», многие из которых вполне обоснованно подозревались в преступной деятельности. Хотя члены таких братств зачастую просто давали клятву заботиться друг о друге во время пребывания на чужбине, нередко члены таких сообществ совершали преступления. Кроме того, такие практики самоорганизации воспринимались подозрительно.

Пермский губернатор М.А. Лозина-Лозинский писал полицмейстерам, уездным и горным исправникам, «что китайцы Екатеринбургского уезда начали организовывать преступное сообщество для совершения, с наступлением весны, убийств и грабежей, причем примкнувшие к этой шайке китайцы получают от организаторов особую “братскую присягу”» (ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224). Оперативные меры позволяли пресечь деятельность этой группы, ряд злоумышленников разоблачили и поместили под арест. Однако содержание «клятвенного обещания братства», которое подписывали его члены, достоверно установить властям так и не удалось.

В 1917 г. в условиях революционных событий китайцы начали всё чаще покидать заводы, уходя в окрестные города с целью занятия мелкой торговлей. В некоторых случаях бежавшие с предприятий китайские рабочие промышляли в населённых пунктах губернии изготовлением самогона, игрой в карты и «обременяли копи в снабжении жителей продовольствием». Такую группу в сентябре 1917 г. изобличили и отправили в распоряжение управления копей.

5. Заключение

Таким образом, в результате организованного государством быстрого и массового ввоза дешёвой рабочей силы вглубь страны образ китайца как «другого» сформировался в регионах, где прежде китайцев практически не видели и опыта взаимодействия с ними не было. Если для Дальнего Востока сосуществование с китайцами и зависимость от их труда давно являлись в порядке вещей, то для уральских промышленников стремительный наём «жёлтых» рабочих и необходимость организовывать их жизнь стали мерами непредвиденными и вынужденными. Признавая все недостатки практики широкого привлечения китайских рабочих, владельцы заводов в то же время ясно осознавали и их основные преимущества: дешевизну, неприхотливость и многочисленность.

Во многом по этим причинам уральские промышленники вплоть до середины 1917 г. продолжали привлекать всё новые и новые партии китайских мигрантов. В этом смысле предполагалось, что увеличение объёма дешёвой рабочей силы может нивелировать многие недостатки механизма привлечения китайцев на заработки, компенсировать отсутствие отдельных навыков и т.д. Стоит заметить и то, что сами китайцы весьма охотно ехали работать на российские предприятия, соглашались закрыть глаза на высокую вероятность нарушения их права, на частые конфликты с администрациями и др. Удручающая ситуация в Северо-Восточном Китае приводила к

тому, что иных источников заработка у многих крестьян попросту не было, поэтому отъезд на заработки являлся частой альтернативой.

Кроме того, именно с рассматриваемым периодом связано появление в Прикамье первой локалии, маркированной в качестве китайской. Речь идёт о братской могиле китайских рабочих, погибших в годы Гражданской войны. Вышеописанные сюжеты, разумеется, не содержат исчерпывающих описаний того, как формировался и развивался образ «другого» в лице китайцев на Урале. Основной замысел представленной рукописи заключался в ином: описание основных предпосылок, динамики и механизмов этого процесса.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01086, <https://rscf.ru/project/25-28-01086/>

Литература

- Восток России..., 2011** – Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Научный редактор В.И. Дятлов. Иркутск, 2011. 624 с.
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Дацышен, 2008** – Дацышен В.Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 5. С. 99–104.
- Дятлов, 2000** – Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 63–89.
- Дятлов, 2014** – Дятлов В.И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // *Идеи и идеалы*. 2014. № 2. С. 23–41.
- Дятлов, 2015** – Дятлов В.И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5. С. 9–15.
- Дятлов и др., 2020** – Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Каменских, 2011** – Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011.
- Каменских, 2009a** – Каменских М.С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы русско-японской войны // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 3(24). С. 49–53.
- Каменских, 2009b** – Каменских М.С. О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2009. № 1. С. 109–113.
- Нестерова, 2008** – Нестерова Е.И. «Атлантида городского масштаба»: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX — начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 44–58.
- Образы «Других»..., 2025** – Образы «Других» в России, 1547–1917 / Под ред. К. Парпней, Б. Рахимзянова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2025.
- Переселенческое общество..., 2013** – Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2013.
- Пермские губернские ведомости, 1904a** – *Пермские губернские ведомости*. 1904. 8 июня.
- Пермские губернские ведомости, 1904b** – *Пермские губернские ведомости*. 1904. 8 октября.
- Пермские губернские ведомости, 1905** – *Пермские губернские ведомости*. 1905. 16 марта.
- Урбански, 2021** – Урбански С. «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX — начале XX века // *Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение* / Под. ред. Болутновой, Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 269–294.
- Хасанова, 2019** – Хасанова З.Ф. Китайские рабочие в годы Первой мировой войны на Южном Урале // *Вопросы истории*. 2019. № 2. С. 133–139.
- Ходяков, 2018** – Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. № 4. С. 880–897.
- Ходяков, 2019** – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. Серия: История*. 2019. № 60. С. 78–83.
- Ходяков, Чжао, 2017** – Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7–30.
- Alexeeva, 2018** – Alexeeva O. Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. 2018. 1: 46–66.
- Antoshin, 2022** – Antoshin A.V. The Problem of "Yellow Labor" in the Russian Far East on the Eve of World War I in the Public Space of the Region // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1440–1450.

[Benton, 2007](#) – *Benton G.* Chinese Migrants and Internationalism: Forgot ten Histories, 1917–1945. London, 2007.

[Siegelbaum, 1978](#) – *Siegelbaum L.* Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. 2: 307-330.

[Yin Hsu Chia, 2006](#) – *Yin Hsu Chia.* A Tale of Two Railroads: “Yellow Labor”. Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s-1910s // *Ab Imperio*. 2006. 3: 217-253.

References

[Alexeeva, 2018](#) – *Alexeeva, O.* (2018). Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War. *The Chinese Historical Review*. 1: 46-66.

[Antoshin, 2022](#) – *Antoshin, A.V.* (2022). The Problem of “Yellow Labor” in the Russian Far East on the Eve of World War I in the Public Space of the Region. *Bylye Gody*. 17(3): 1440-1450.

[Benton, 2007](#) – *Benton, G.* (2007). Chinese Migrants and Internationalism: Forgot ten Histories, 1917–1945. London, Routledge.

[Datsyshen, 2008](#) – *Datsyshen, V.G.* (2008). Kitajskaja trudovaja migracija v Rossii. Maloizvestnye stranicy istorii [Chinese labor migration in Russia. Little-known pages of history]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5: 99-104. [in Russian]

[Dyatlov i dr., 2020](#) – *Dyatlov, V.I., Guzei, Ya.S., Sorokina, T.N.* (2020). Kitaiskii pogrom. Blagoveshchenskaya «Utopiya» 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov [The Chinese pogrom. The Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 in the assessment of contemporaries and descendants]. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]

[Dyatlov, 2000](#) – *Dyatlov, V.I.* (2000). Migratsiya kitaitsev i diskussiya o «zheltoi opasnosti» v dorevoljucionnoi Rossii [Chinese migration and the “yellow peril” debate in prerevolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1: 63-89. [in Russian]

[Dyatlov, 2014](#) – *Dyatlov, V.I.* (2014). Ekzotizatsiya i «obraz vruga»: sindrom «zheltoi opasnosti» v dorevoljucionnoi Rossii [Exotization and the “image of the enemy”: the “yellow peril” syndrome in prerevolutionary Russia]. *Idei i idealy*. 2: 23-41. [in Russian]

[Dyatlov, 2015](#) – *Dyatlov, V.I.* (2015). Etnizatsiya obshchestvennogo prostranstva: prichiny i mekhanizmy protsessa [Ethnization of public space: causes and mechanisms of the process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 5: 9-15. [in Russian]

[GAPK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archives of Perm Krai].

[GASO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archives of Sverdlovsk Oblast].

[Hasanova, 2019](#) – *Hasanova, Z.F.* (2019). Kitaiskie rabochie v gody Pervoi mirovoi voiny na Yuzhnom Urale [Chinese Workers during World War I in the Southern Urals]. *Voprosy istorii*. 2: 133-139. [in Russian]

[Kamenskikh, 2009a](#) – *Kamenskikh, M.S.* (2009). Kitaitsy, yapontsy i koreitsy, vodvorennye v Permskuyu guberniyu v gody russko-yaponskoi voiny [Chinese, Japanese, and Koreans Relocated to Perm Province During the Russo-Japanese War]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3(24): 49-53. [in Russian]

[Kamenskikh, 2009b](#) – *Kamenskikh, M.S.* (2009). O prichinakh volnenii kitaiskikh rabochikh na Urale v period Pervoi mirovoi voiny [On the causes of Chinese workers' unrest in the Urals during the First World War]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*. 1: 109-113. [in Russian]

[Kamenskikh, 2011](#) – *Kamenskikh, M.S.* (2011). Kitaitsy na Srednem Urale v kontse XIX — nachale XXI v. [Chinese in the Middle Urals in the late 19th — early 21st centuries]. SPb.: Mamatov. [in Russian]

[Khodyakov, 2018](#) – *Khodyakov, M.V.* (2018). Zheltorossiya kontsa XIX — nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity [Yellow Russia of the Late 19th — Early 20th Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite]. *Novejshaja istorija Rossii*. 4: 880-897. [in Russian]

[Khodyakov, 2019](#) – *Khodyakov, M.V.* (2019). Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala XX veka ob ispol'zovanii zheltogo truda v ekonomike Dal'nego Vostoka [Russian Legislation of the Early 20th Century on the Use of Yellow Labor in the Economy of the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 60: 78-83. [in Russian]

[Khodyakov, Chzhao, 2017](#) – *Khodyakov, M.V., Chzhao, Ch.* (2017). Trudovaja migracija kitajcev v Rossiju v gody Pervoj mirovoj vojny [Labor migration of Chinese to Russia during the First World War]. *Novejshaja istorija Rossii*. 1: 7-30. [in Russian]

[Nesterova, 2008](#) – *Nesterova, E.I.* (2008). «Atlantida gorodskogo masshtaba»: kitaiskie kvartaly v dal'nevostochnykh gorodakh (konets XIX — nachalo XX v.) [“Atlantis on an urban scale”: Chinese quarters in far Eastern cities (late 19th — early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 44-58. [in Russian]

[Obrazy «Drugikh»..., 2025](#) – *Obrazy «Drugikh» v Rossii, 1547–1917* [Images of “Others” in Russia, 1547–1917]. Pod red. K. Parpei, B. Rakhimzyanova. SPb.: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2025. [in Russian]

[Pereselencheskoe obshchestvo..., 2013](#) – *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Nauch. red. V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: «Ottisk», 2013. [in Russian]

[Permskie gubernskie vedomosti, 1904a](#) – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1904. 8 iyunya. [in Russian]

- [Permskie gubernskie vedomosti, 1904b](#) – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1904. 8 oktyabrya. [in Russian]
- [Permskie gubernskie vedomosti, 1905](#) – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1905. 16 marta. [in Russian]
- [Siegelbaum, 1978](#) – *Siegelbaum, L.* (1978). Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917. *Modern Asian Studies*. 2: 307-330.
- [Urbanski, 2021](#) – *Urbanski, S.* (2021). «Kitaiskaya chuma»: sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Frantsisko i Singapore v kontse XIX – nachale XX veka. Regiony Rossiiskoi imperii. Identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie [“Chinese Plague”: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco and Singapore in the late 19th and early 20th centuries. Published in Regions of the Russian Empire. Identity, representation, (on)meaning]. Pod. red. Bolutnovoi, Sanderlenda. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 269-294. [in Russian]
- [Vostok Rossii..., 2011](#) – *Vostok Rossii: migratsii i diaspor v pereselencheskom obshchestve*. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov [East of Russia: migrations and diasporas in a resettlement society. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Nauchnyi redaktor V.I. Dyatlov. Irkutsk, 2011. 624 p. [in Russian]
- [Yin Hsu Chia, 2006](#) – *Yin Hsu Chia* (2006). A Tale of Two Railroads: “Yellow Labor”. Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s-1910s. *Ab Imperio*. 3: 217-253.

«Другой» в позднеимперской России: китайские мигранты в Пермской губернии в начале XX в.

Андрей Александрович Авдашкин ^{а, *}

^а Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования представлений о «других» в лице китайских мигрантов в позднеимперский период российской истории. На примере китайской миграции на территорию Пермской губернии в 1905–1917 гг. автор демонстрирует, как местные власти, администрация заводов и копей, частично горожане, принимали участие в содержательном наполнении образа китайцев, определении основных особенностей их социального поведения. Значительная часть этих контактов происходила не в городском пространстве, а непосредственно на производствах и в местах проживания китайских рабочих. В процессе организации, поддержания порядка и сохранения стабильной медико-санитарной ситуации среди китайцев документы уральских архивов и страницы печати наполнялись свидетельствами опыта отношений с ними. Основу эмпирической базы при подготовке представленной рукописи составили документы Государственного архива Пермского края (Пермь, Российская Федерация) и Государственного архива Свердловской области (Екатеринбург, Российская Федерация). Применённые в комплексе, эти источники могут рассказать об основных чертах, которыми наделялись китайские рабочие во время пребывания на Урале. С одной стороны, рабочая сила из Китая действительно позволила решить ряд производственных проблем благодаря многочисленности, дешевизне и неприхотливости, но в то же время опыт взаимодействий с китайскими рабочими дополнил эти представления комплексом вопросов, связанных с учётом рабочих, поддержанием санитарно-гигиенических норм и замкнутостью их сообществ.

Ключевые слова: миграция, Пермская губерния, китайцы, жёлтые рабочие, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)